

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2024-4-38-43>

Древнеславянские вождества: историко-правовой анализ

А. В. Серегинкандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Seregin.AV@rea.ru

Ancient Slavic Chieftoms: Historical and Legal Analysis

A. V. Seregin PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Seregin.AV@rea.ru

Аннотация

В статье с помощью методологии юридической компаративистики исследуются древнеславянские вождества, возникшие в эпоху раннего средневековья в VII–X вв. н. э. Автор критически подходит к марксистской модели военной демократии, применяемой в советский период для характеристики высшей стадии разложения первобытно-общинного строя, доказывая необходимость использования в современной отечественной теоретической и историко-правовой науке дефиниции вождества, еще не знающего классовых антагонизмов, но уже использующего военную силу для организации военных набегов с целью экономического обогащения и завоевания авторитета среди соплеменников. Далее в статье последовательно анализируются такие архаические вождества, как держава Само, Великая Моравия, племенные союзы бодричей, лютичей и поморских славян. Рассматривая политогенез державы Само, автор доказывает, в противовес франкской и романо-галльской теориям, его славянское происхождение. Кроме того, в статье утверждается, что славянские общества имели трехуровневую территориально-политическую структуру управления, состоящую из земских общин, племен и племенных союзов, объединенных под руководством единого военного предводителя. Автор доказывает, что именно в условиях вождества могло существовать свободное население, состоящее с великокняжеской властью в отношениях консенсуального равенства. Общественная служба воспринималась народом как социальный долг, поэтому княжеская администрация содержалась за счет добровольных пожертвований или судебных штрафов. Вождество являлось предшественником государственной организации для славянских народов в период раннего средневековья.

Ключевые слова: славяне, государство, племя, княжество, юридическая славистика, средневековье, обычаи, родовое право, феодализм, военная демократия, христианство, язычество.

Abstract

The article uses the methodology of comparative legal studies to study ancient Slavic chieftoms that emerged in the early Middle Ages in the 7th–10th centuries AD. The author takes a critical approach to the Marxist model of military democracy used in the Soviet period to characterize the highest stage of decomposition of the primitive communal system, proving the need to use in modern domestic theoretical and historical-legal science the definition of a chieftom that does not yet know class antagonisms, but already uses military force to organize military raids for the purpose of economic enrichment and gaining authority among fellow tribesmen. Further, the article consistently analyzes such archaic chieftoms as the State of Samo, Great Moravia, tribal unions of the Bodrichi, Lyutichi and Pomor Slavs. Considering the politogenesis of the State of Samo, the author proves its Slavic origin, as opposed to the Frankish and Romano-Gallic theories. In addition, the article claims that Slavic societies had a three-tiered territorial-political structure of governance, consisting of zemstvo communities, tribes and tribal unions united under the leadership of a single military leader. The author proves that it was precisely under the conditions of chieftom that a free population could exist, which was in a relationship of consensual equality with the grand ducal power. Public service was perceived by the people as a social duty, so the princely

administration was maintained by voluntary donations or court fines. Chiefdom was the predecessor of the state organization for the Slavic peoples in the early Middle Ages.

Keywords: Slavs, state, tribe, principality, legal Slavic studies, Middle Ages, customs, patrimonial law, feudalism, military democracy, Christianity, paganism.

В современной историко-правовой науке проблема генезиса древнеславянской государственности во многом осложняется недостаточным исследованием феномена *вождества* [5. – С. 125], которое с методологической точки зрения позволяет описать закономерности общественного развития славянских племен в период перехода от родоплеменного строя к раннесредневековому государству с преимущественно свободным населением, признающим авторитет древнего обычая, и при отсутствии явно доминирующего политико-экономического класса феодалов или рабовладельцев.

Связано это с двумя догматическими заблуждениями, обременяющими изучение вопросов юридической славистики в течение всего XX в.: 1) принятием в течение длительного времени отечественной юриспруденцией марксистской конструкции эпохи *военной демократии*, выступающей в качестве единственного переходного звена между архаическим коммунизмом, т. е. догосударственным обществом, и классовой реальностью угнетателей и угнетенных – эрой государственности; 2) боязнью применения теорией государства и права антропологических приемов исследования высокоразвитых потестарных структур, приближающихся к характеристикам классического государства, но еще не порывающих с пережитками внеклассового эгалитаризма [21. – С. 49].

Итак, разберемся с методологической корректностью применения модели военной демократии для оценки предгосударственных племенных союзов среднего и развитого варварства [12. – С. 86–87]. Впервые о военной демократии как о форме управления обществом, противостоящей царской власти, заговорил Л. Г. Морган в своем «научном бестселлере» «Древнее общество» [12. – С. 67, 144]. По его мнению, там «где господствует военный дух, как это было у ацтеков, там естественным путем при родовых учреждениях возникает военная демократия» [12. – С. 125] с вооруженным народом, советом старейшин и выборным вождем в качестве высшего главнокомандующего и не более. Развив данную идею, Ф. Энгельс уточнил, что именно грабитель-

ские войны убивают древнее народовластие военной демократии, заменяя ее монархическим правлением наследственного владыки [22. – С. 139]. Парадокс состоит в том, что военная организация по своей природе антидемократична и направлена на применение насилия в отношении своих врагов, как правило, выступающих еще и в качестве добычи. Поэтому В. И. Хмелинский заявил, что военная демократия является формой примитивного государства, возникшего вне классовых антагонизмов, что не соответствовало марксистско-материалистической концепции происхождения государства [19. – С. 66–75], хотя сам В. И. Ленин в качестве переходного типа государства стал применять термины «протогосударство» или «неполитическое государство» [10. – С. 18, 62–63, 101] (почти «недогосударство» – А. С.), забыв об экономическом и политическом неравенстве в обществе, пронизанном политическими интересами.

Столкнувшись с аналогичными теоретико-правовыми проблемами, связанными с научной идентификацией державы Рюриковичей (IX–XI вв.) и первых готских королевств на закате падения Римской империи (IV в. н. э.), С. В. Юшков провозгласил существование *варварских королевств* у германцев, а у восточных славян – *дофеодального государства* [23. – С. 46–47]. Характеристикой варварского королевства в его концепции выступает рабовладельческое наследие античности, сочлененное с родоплеменным патриархатом тевтонского духа, а рационально-доктринальным маркером дофеодального государства объявляется результат разложения первобытнообщинного строя, приведшего к равновесию института холопства, родового порядка и зарождающихся ленных отношений [23. – С. 47].

В поисках компромиссной позиции между этатистским и антиэтатистским взглядами на англосаксонские *гентархии* (VI–IX вв.), очень близкие по своей организации к франкским, саксонским, лангобардским и славянским военно-политическим союзам, Д. М. Перцев применяет очень широкое, идеально-философское понятие «полития», отождествляя его с вождеством [14. – С. 111–116]. Социолог С. А. Давыдов пишет, что

«примером ... княжества-вождества может являться форма организации социальной жизни и публичной власти в Древней Руси, во всяком случае, до реформ княгини Ольги» [6. – С. 14]. Представленная гипотеза требует отдельного исследования, так как процесс политической консолидации древнерусского общества в догосударственный период проходил не одномоментно, а в течение нескольких столетий, позволивших юридически четко конституировать, развить и укрепить отечественную государственную власть в ее классических признаках примерно к XI в. н. э. [16. – С. 80–84].

В любом случае успех изучения древнеславянских вождеств следует начинать с определения института *вождества* как историко-политического феномена культурного социогенеза.

Впервые термин «вождество» в академическую науку был введен канадским антропологом Калерво Обергом [27. – С. 472–487] для оценки примитивных способов социального управления, затем данную категорию стали применять при квалификации властных структур оседлых и кочевых племен, достигших эволюционного уровня, который позволял переходить к созданию государственности [25. – С. 5–26; 29. – С. 109–121]. Это подкрепляется и лингвистически: английское слово *chiefdom* встречается в письменных источниках Британских островов примерно с конца XVI столетия [24. – С. 16].

В отличие от государства, в условиях *вождества* народ организован в семьи, братства (кланы), роды и племена; общественная власть базируется на авторитете ее представителей, вожди избираются вооруженными мужчинами, иногда с учетом благородства и знатности их предков, приближают к себе верную дружину единомышленников и соратников, готовых сражаться за своего предводителя даже рискуя собственной жизнью; территориальное господство не играет базового значения, поэтому племенные союзы группируются в суперконфедерации или федерации этнически гетерогенных народов; право строится на неписаном обычае, передающемся из уст в уста [28].

Следовательно, под вождеством мы будем понимать такую социальную форму самоорганизации, во главе которой, как правило, находится выборный военачальник, чьими главными задачами являются организация обороны от внешних врагов, а также планирование и совершение набегов на соседние страны, племена и народы с

целью повышения благосостояния своих соратников и роста уважения к ним со стороны соратников и соплеменников на основе общественного авторитета, позволяющего добровольно вступать в милитаризированные дружины, как и одаривать угодного и удачливого лидера, способного в свою очередь осуществлять *редистрибуцию* принадлежащего ему богатства в интересах благосостояния свободных общинников. Вождество еще не знает бюрократии, но ему известна сетевая структура кровнородственных отношений, напоминающих современные организованные преступные группировки [4. – С. 70–80].

Раннесредневековые варварские вождества имели трехуровневую структуру [14. – С. 111–112]: а) деревенская община – *provinciae* (у славян *ополье, вервь, мир* и т. д.); б) племенная территория с укрепленным административным, торговым и ремесленным центром – *emporium* (славянские *жупании* и *славинии* с защищенными *городами*); в) политические центры – *villa regalis* (у племенных славянских союзов – старшие города).

Безусловно, крупные вождества могли объединяться в супервождества, напоминающие современные межрегиональные союзы государств.

Самыми известными древнеславянскими супервождествами являются *держава Само* (VII в.) [20. – С. 212] и *Великая Моравия* (вторая половина IX – начало X в.) [1. – С. 115–121], просуществовавшие в рамках незначительного промежутка времени, но позволившие на своих обломках сформировать будущую средневековую государственность Чехии и Польши [9. – С. 69–72].

Кроме того, специальное внимание заслуживает исследование политогенеза племенных союзов славянских племен полабо-балтийского региона, успешно противостоявших германско-христианской экспансии вплоть до XII в. [13. – С. 8–48].

Племенной союз, возглавляемый князем *Само* – победителем Аварского каганата и страшным соседом для воинственных франков, – польский историк Г. Лабода однозначно называет первым славянским государством (*pierwsze państwo słowiańskie*) [26. – С. 14]. Данное утверждение не совсем верно, ибо в державе *Само* более отчетливо были живы основы вождества, нежели государства: это политическое образование всецело зависело от личности незаурядного правителя, поэтому после его смерти (около 658 г.) оно распалось.

Персона легендарного князя Само покрыта ореолом таинственности. По преданию, будучи торговцем, он возглавил освободительную войну славян против аварских угнетателей примерно в 623–624 г., ему на верность присягнули множество племен венеков, заключая союзы с различными политическими образованиями славянских вождей; по традиции языческого порядка у Само было 12 жен (вероятно, дочерей племенных старейшин или князей), которые родили ему 22 сына и 15 дочерей [9. – С. 26].

Среди историков нет единства мнений о том, кем по этнической принадлежности являлся Само. Четыре наиболее популярные версии, объясняющие национальные корни этого славянского героя, сводятся к следующим теориям:

1) *франкская* – настаивает на том, что купец Само, пришедший с территории Меровингского королевства, – это свободный, возможно, даже знатный франк [9. – С. 29];

2) *галло-римская* – считает Само представителем кельто-романского населения, завоеванного Хлодвигом в V в. (именно этим объясняется его непримиримость к экспансионистским попыткам франкского государства) [9. – С. 29–30];

3) *славянская* – семантически объясняет имя Само как искаженное вендское «Самослав», переведенное на латинский язык, дополнительно акцентируя внимание на том, что по вероисповеданию он являлся язычником, поклонявшимся славянским богам, а не Иисусу Христу, религию которого приняли франки [9. – С. 30];

4) *титулатурная* – толкует имя «Само» как термин – эпитет правителя, характеризующий его самовластие, т. е. самодержавную власть [9. – С. 31].

К какому бы народу по происхождению не принадлежал Само (хотя славянская версия наиболее логична и убедительна), свою державу он строил на принципах древнеславянского вожества. Так, малые племена – *славинии* – входили в более крупные политические союзы племен (например, *склавины*, *древан*, *сорбов* и т. д.), которые в свою очередь объединялись под руководством общеславянского вождя, возглавляющего этот союз – *Regnum Sclavorum* [9. – С. 50]. Каждое племя выступало в качестве автономного мира с достаточно автаркичным хозяйством. Отсутствие письменных источников не позволяет достоверно описать механизм центрального публичного управления в державе Само: скорее всего он являлся зеркальным отображением ранее

сложившейся родоплеменной организации с военным советом князей и старейшин племен при едином князе с верной дружиной витязей, служащей силовой опорой великокняжеской власти. Фактически Само построил супервождество – конфедеративное объединение самоуправляющихся славянских племен и племенных союзов под единоличным началом главнокомандующего, обладающего правом вершить правосудие также и по гражданским делам, наподобие древнеримской экстраординарной магистратуры диктатора.

Великая Моравия, возникшая на руинах державы Само, вполне может пролить свет на политические структуры этих славянских супервождеств. Так, чехословацкий историк П. Раткош отмечает, что при великоморавском князе в качестве совещательного органа постоянно действовал *Совет*, состоящий из княжеских советников и судей, а также при необходимости для решения важнейших вопросов созывался *Сейм*, в котором участвовали, помимо членов княжеского совета, жупаны (главы территориально-племенных объединений) и, начиная со второй половины IX в., представители христианского духовенства [15. – С. 85–95]. В Великоморавской державе начал формироваться специализированный бюрократический аппарат, состоящий из *кметов* (служащих низшего звена), оруженосцев, дружины, *друугъ богатъ* (*знаменитых вельмож*) и воевод [2. – С. 96–107]. Особо следует отметить, что именно в Великой Моравии равноапостольные святые Кирилл и Мефодий составили славянскую азбуку [18. – С. 30].

Кроме того, «*Закон судный людем*» IX в. н.э.¹ – самый древний письменный славянский источник права, дошедший до наших дней, – мог быть принят именно в Великой Моравии и только позже мог попасть в Болгарское царство [8. – С. 18–21].

К сожалению, Великая Моравия пала под ударами вторгшихся в Европу в конце IX – начале X в. *угров*, не успев развиться в устойчивую государственную структуру.

Западнославянское вождество лютичей к X в., в отличие от других славянских племен, инволюционировало в сторону абсолютного отказа от должности князя [7. – С. 37], абсолютизировав

¹ Закон судный людем (IX в.) // Собрание памятников древнеславянского права : учебное пособие : в 4 т. – Т. 3 : Средневековое законодательство южных славян / сост. А. В. Серегин. – Ростов н/Д : Издательство Южного федерального университета, 2014. – С. 11–15.

вечевую власть, что в конечном счете привело к его захвату германскими феодалами.

Бодричи, напротив, настолько возвеличили княжескую власть, что в немецких хрониках их стали именовать королями Вендской державы, приравнивая по статусу к франкским правителям [3. – С. 81]. Титулатурные тождества с христианскими государями были не случайны, ибо бодричи успешно реципировали западноевропейскую вассально-сеньориальную систему раннефеодальных отношений, которую в условиях развитого вожества корректно именовать великокняжеской вождистско-дружинной системой межплеменного управления. Бодричская знать оттеснила от верховной власти простолюдинов, заняв ведущее положение в политической системе Вендской державы.

Поморские князья напоминали современных конституционных монархов – их уважали, но не подчинялись им; они могли иметь собственную дружину – так же как и другие благородные и богатые люди. Поморское вожество в территориальном плане представляло конфедерацию славянских племен, общин и городов; в каждом из

них имелся княжеский двор, на котором вершилось правосудие. Поморский князь выступал верховным жрецом и военачальником славянских общин, но не был государем. Поморские города и племена имели право самостоятельно заключать любые международные договоры. На содержание князя перечислялись судебные пошлины и добровольные пожертвования (дары) [11. – С. 70]. Политическая децентрализация поморского вожества не позволило ему развиваться в государство, поэтому поморские племена попали под власть польского королевства и немецких крестоносцев.

Подводя итоги сказанному, следует сделать вывод, что древнеславянские вожества представляли собой переходные структуры между родоплеменным (догосударственным) строем и государственными образованиями эпохи развития славянских народов, что позволяло им в своей политической основе опираться на большинство свободных соплеменников, использовать обычное право и институты народного представительства в форме вечевых собраний.

Список литературы

1. *Воцель Я. Э.* Древнейшая бытовая история славян вообще и чеховъ въ особенности. – Киевъ : Тип. С. Т. Еремеева, 1875.
2. *Гавлик Л.* Государство и держава мораван (К вопросу о месте Великой Моравии в политическом и социальном развитии Европы) // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение / отв. ред. Г. Э. Санчук, Й. Поулик. – М. : Наука, 1985. – С. 96 – 107.
3. *Гильфердинг А. Ф.* История балтийскихъ славянъ // Собрание сочинений. – Т. 4. – С.-Пб : Издание Д. К. Кожанчикова, 1874.
4. *Гринин Л. Е., Коротаев А. В.* Вожества: вчера и сегодня // История и современность. – 2020. – Июнь. – № 2. – С. 70–80.
5. *Грот Л. П.* Вожество и институт верховной власти в древнерусской истории: истоки проблем изучения // Ранние формы потестарных систем / сост. и отв. ред. В. А. Попов. – СПб. : Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2013. – С. 98–132.
6. *Давыдов С. А.* Вожество как концепт социологии: сложности интерпретации // Социологический журнал. – 2019. – Том 25. – № 1. – С. 8–26.
7. *Де-Витте Е.* Чтенія по исторіи славянъ. Балтийские Славяне. Хорваты. Сербь. Хорутане. Болгары. Велико-Моравія. Чехія. Польша. Русь. – Ковно : Тип. губ. правл., 1886.
8. *Ермолович В. И.* Основные институты гражданского права средневековой Сербии и стран континентальной Европы (X–XV вв.). – Минск : Белорусский государственный экономический университет, 2021.
9. *Жих М. И.* Славянский правитель Само и его «держава» (623–658). Источники, локализация, социально-политическая организация, историческое значение. – СПб., 2019.
10. *Ленин В. И.* Государство и революция // Полное собрание сочинений. – Т. 33. – М. : Политическая литература, 1969. – С. 1–120.
11. *Любавский М. К.* История западныхъ славянъ (прибалтійскихъ, чеховъ и поляковъ). – М. : Издание М. и С. Сабашниковыхъ, 1918.

12. *Морган Л. Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации : со статьей Ф. Энгельса «К доистории семьи (Бахофен, Мак Леннан, Морган)» : прил.: предисл. Л. Г. Моргана к книге Л. Файсона и А. Хаутта «Камиларои и курнаи» / пер. с англ. под ред. М. О. Косвена; предисл. Я. П. Алькора. – Л. : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934.
13. *Пауль А.* Балтийские славяне: от Рерика до Старигарда. – М. : Книжный мир, 2016.
14. *Перцев Д. М.* Англосаксонские политии VI в.: вожество или государство? // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 408. – С. 111–116.
15. *Раткош П.* Великая Моравия – территория и общество // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение / отв. ред. Г. Э. Санчук, Й. Поулик. – М. : Наука, 1985. – С. 81–95.
16. *Серегин А. В.* Юридическая теория самобытного происхождения славяно-русской державы Рюриковичей // Современные вопросы государства, права, юридического образования : сборник научных трудов по материалам XIX Международной научно-практической конференции, Тамбов, 22 декабря 2023 года. – Тамбов : Издательский дом "Державинский", 2024. – С. 80–84.
17. *Серегин А. В.* Источники и формы древнеславянского права // Наука. Общество. Государство. – 2024. – Т. 12. – № 2 (46). – С. 24–35.
18. *Супрун А. Е., Молдован А. М.* Старославянский и церковнославянский язык // Языки мира. – М. : Academia, 2005.
19. *Хмелинский В. И.* О понятии «военная демократия» // Советская этнография. – 1973. – № 4. – С. 66–75.
20. *Хроники Фредегара.* – СПб. : Евразия ; М. : Клио, 2015.
21. *Шинаков Е. А., Ерохин Е. А.* Компаративный анализ политогенеза в раннесредневековой Англии и Древней Руси // Вестник Брянского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 49–56.
22. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. XVI. – Ч 1. – М. : Партиздат ЦК ВКП (б), 1937. – С. 7–153.
23. *Юшков С. В.* К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве // Вопросы истории. – 1946. – № 7. – Июль. – С. 45–65.
24. *Chieftdom: Yesterday and today / Ed. By R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev.* – New York : Eliot Werner Publications, Inc., 2017.
25. *Claessen H. J. M.* On Chiefs and Chieftdoms // Social Evolution & History. – March 2011. – Vol. 10. – No. 1. – P. 5–26.
26. *Labuda G.* Pierwsze państwo słowiańskie: Państwo Samona. – Poznan : Księgarnia akademicka, 1949.
27. *Oberg K.* Types of Social Structure among the Lowland Tribes of South and Central America // American Anthropologist. – 1955. – No. 57. – P. 472–487.
28. *Service E. R.* Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective. – New York : Random House, 1962.
29. *Skalnik P.* Authority versus Power: Democracy in Africa Must Include Original African Institutions // Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. – 1996. – No. 37–38. – P. 109–121.